

лѣе или менѣе цѣнной въ нашихъ глазахъ, чтобы за ней *слѣдовало* гнаться...

Такимъ образомъ окончательное опредѣленіе понятія «смысла вещи», будетъ слѣдующимъ: *подъ смысломъ данной вещи всегда подразумѣвается назначеніе и дѣйствительная пригодность данной вещи для достиженія такой цѣли, за которой почему либо надо или слѣдуетъ гнаться.* Таково *общеупотребительное* значеніе термина «смыслъ», когда мы говоримъ о *смыслѣ любой вещи.* Узнавъ же это, легко сполна выяснитъ, что *слѣдуетъ* или что мы логически обязаны имѣть въ виду, когда мы говоримъ о *смыслѣ жизни;* вѣдь понятіе «смыслъ жизни» составляетъ лишь частный случай понятія «смыслъ любой вещи». Поэтому, если *смыслъ любой вещи* состоитъ въ назначеніи и въ дѣйствительной пригодности данной вещи для достиженія цѣнной цѣли, то и *смыслъ жизни* долженъ быть понимаемъ, какъ назначеніе и дѣйствительная пригодность жизни для достиженія цѣнной цѣли, то-есть, такой цѣли, за которой надо или слѣдуетъ гнаться.

Такимъ образомъ вопросъ о *смыслѣ жизни* совпадаетъ съ вопросомъ о цѣли жизни. Спрашивать — въ чемъ состоитъ *смыслъ жизни,* тоже самое, — что спрашивать — какова цѣнная цѣль жизни. А въ то же время легко убѣдиться, что вопросъ о *смыслѣ жизни* позволителенъ только въ томъ случаѣ, если мы имѣемъ въ виду такую цѣль, которая была бы абсолютно цѣнною...